

«ЦИФРОВАЯ МАГИЯ» ВЛАСТИ: ПЕРВАЯ УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ¹

Аннотация. В статье рассматривается проблема идейных научных истоков ранних технологий власти. Миф «машины властвования» родился одновременно с мифом о цифровом управлении обществом. Были заложены первые рациональные основания концепции технологического процесса, которую формировали мыслители эпохи Ренессанса и Нового времени. Первые технологические революции меняли подходы к проблемам политики и права. Глубинные духовные и интеллектуальные процессы находили свои формы в законодательстве и политической технике. Магия управления вещами и людьми составила основу мегамашин, эволюционировавшей от древнейших времен к Новому времени. Даже в современных технологиях управления и властвования присутствуют элементы магизма, сведенные к техническому манипулированию отдельными людьми и целыми массами. Число, цифра и манипулирование составляют сердцевину политических технологий.

Ключевые слова: власть, управление, манипулирование, суверенность, закон, право, приказ, государство, аппарат, технология, машина власти, иерархия, утопия, политика, подчинение, функция, дифференциация, сеть.

DOI: 10.17803/1729-5920.2019.150.5.009-029

1. ВВЕДЕНИЕ: ВЛАСТЬ И МАТЕМАТИКА

«Цифра» — вот то магическое слово из технократического «новояза», вокруг которого формулируются все современные культурные и политические дискурсы. Если в XVIII в. с этим словом связывалось представление о всемогуществе статистики как о способе преодоления хаоса и беспорядочности, то в наше время «оцифровыванию» подвергаются все сферы и отношения социального бытия. Говорят о «цифровой экономике» и даже о «цифровом правительстве».

«Цифра», наполненная метафизическим значением, не есть просто «число». Она скорее символ и магическая техника познания и управления. И если числовая магия, идущая от пифагорейцев и Платона, предполагала на-

полнение числа качественным содержанием, превращая его в субстанцию и «вещь», то «цифра» комфортнее всего располагается в области количественного.

Количество может быть как прерывным (что и есть число) и непрерывным, выраженным величинами пространственного и временного порядка. Мера, понимаемая в своем буквальном смысле, относится к сфере непрерывного количества, т.е. более непосредственно к вещам, обладающим пространственным характером. «Идея меры состоит в тесной связи с идеей порядка... это создание порядка из хаоса», чего-то, в отличие от Космоса, неопределенного, отождествляемого с «мраком» и субстанциональной стороной мира. Здесь и располагается типичный продукт современного мира — ма-

¹ Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 18-29-16124.

© Исаев И. А., 2019

* Исаев Игорь Андреевич, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой истории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) iaisaev@msal.ru
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

шина — демонстрирующая преобладание количества над качеством².

Здесь число является означаемым, цифра — означающим. В качестве знака цифра выражает не только количественное содержание числа, но и его значимость и ценность. Поэтому цифрование — не только процесс шифровки содержания, но и обозначение ранга, степени, уровня, т.е. иерархии структуры. И если исчисление предполагает выявление реальных отношений и сущностей, скрытых в природе, и только затем установление их числового аналога, то «цифрование» уверенно идет по пути наложения собственного количественного порядка на качественную реальность существующих отношений и связей. «Цифра становится определяющим символом и мантрой современной науки, стремящейся преодолеть природный беспорядок посредством создания цифрового порядка, рождающегося из хаоса». Бэконовская формула «знание — сила» представляет собой манифест победителей, покоряющих природу.

Магические техники, представляющие собой все без исключения процессы творчества («всякое действие не обходится без магических элементов»), амбициозно стремились к превращению неорганических элементов природы в органические, неживого в живое. То, что природа не дала человеку при его рождении, он стремился дополнить посредством применения технологий. Первой из них стала «симпатическая магия».

«Цифра» — понятие из технократического лексикона. Цифровые технологии сознательно или неосознанно черпают свою уверенность в традиции, теряющейся в далеком прошлом. Каббалистические изыскания и процедуры делали цифру реальной силой, преобразующей действительность. Средневековые счетные машины Р. Луллия открывали для оцифровки широкие горизонты будущего. Прагматическая астрология методом расчета предлагала изменить варианты предначертанного будущего для царей и целых государств. Герметические науки, основанные на исчислениях и оцифровке, получили самое широкое распространение в эпоху Ренессанса, когда в качестве своего инструмента они приобрели механическую технику. Рождение машины было непосредственно связано с математизацией жизни и науки.

Исчисление, кроме раскрытия и выявления, означает создание (искусственное по сути) новой реальности. Этот процесс, подчиненный определенным правилам, запускает все новые процессы во всех сферах жизни, как органической, так и неорганической. Особую роль он играет в сфере технической, где исчисление и цифра формируют сам дух и сущность технического: техника формируется с помощью чисел, чтобы затем вырабатывать числа. (Роберт Музиль в «Человеке без свойств» заметил: «Математика, как демон, вошла во все области нашей жизни... Математика есть источник некоего злого разума, хотя и превращающего человека во властелина земли, но делающая его рабом машины. Внутренняя пустота, чудовищная смесь пронительности в частностях и равнодушия в целом... его беспокойство, злость... корыстолюбие, холод и жестокость, характерные для нашего времени, представляют собой... лишь следствие потерь, наносимых душе логически острым мышлением... Математика, мать точного естествознания, бабушка техники, является и праматерью того духа, из которого в конце концов возникли ядовитые газы и военные летчики»³.)

Уже в древности обнаруживается тенденция, стремящаяся зафиксировать в цифрах как все бесконечно малое, так и бесконечно большое. Но цифра приобретает и иное достоинство: она оказывается прямо связанной с метафизикой. Э. Юнгер спрашивает: «Не должна ли в этом случае измениться и сама физика, не должна ли она приобрести магический характер?» Тогда и случайность приобретает иной смысл: ранее ее связывали с непредсказуемыми факторами, с идеей рока, сегодня же она теснейшим образом связана с исчисленным миром цифр⁴.

Машинерия нуждается в точном подсчете вероятностей, т.е. сосредотачивается на предвидении, поэтому она олицетворяет собой «процесс» и заботится не о традиции, а лишь об устойчивости системы. Система начинает жить для себя и для своего будущего.

Собственно механизация и математизация жизни впервые и придают по-настоящему машинный тип давно существующим «машинам власти». Технические элементы в них все более замещают собой человеческие элементы. Прежние гуманитарные и органические связи все чаще заменяются техническими, этико-ней-

² Генон Р. Царство количества и знамения времени. М., 1994. С. 29—30.

³ Музиль Р. Человек без свойств. М., 1984. Кн. 2. С. 64.

⁴ Эвола Ю. Рабочий в творчестве Эрнста Юнгера. СПб., 2005. С. 87.

тральными приемами. Любая машина власти желает казаться беспристрастной и объективной: в своих действиях и решениях машина не имеет судьбы, но не может избежать случайностей.

Вещи же развиваются согласно их судьбе, которая «сцепляет между собой все формы, включая числа, без случайности». Именно это фундаментальное правило «тайного сопряжения мира... всех форм, согласно судьбе и позволяет принять произвольные условия игры (конкретные правила) с церемониальными (а не договорными, как в обмене, упорядоченном законом) целями, как совершенно конвенциональный ритуал, где не без оттенка иронии осознается абсолютная необходимость, которая лежит в основе игровых ожиданий»⁵.

Старый социологический афоризм гласит: «Знания ради предсказания, предсказания ради контроля». Магико-ориентированное мышление предполагает, что предсказания и контроль, проявляющиеся в законах природы, полностью являются результатом деятельности человека: «Человек создает свои «законы природы», а не просто открывает формулы Божественного Математика». Этот вывод справедлив не только для науки, но и для самой математики, каким бы таинственным ни казалось соответствие между математическими символами и событиями, которые они представляют⁶.

Понимание цифровой структуры вещей уже с эпохи Возрождения придавало человеку, как ему казалось, новую власть над окружающим: оно делало человека более похожим на Бога, которого еще пифагорейцы воспринимали как «Высшего Математика». Если человек может в какой-то степени применять или улучшать свои математические способности, тем самым он становится ближе к божественному порядку.

Неопифагорейство и неоплатонизм Возрождения полагали, что числовые модели вполне заметны каждому, кто только сможет к ним присмотреться. Нарушения же меры, однако, приводило здесь к математическому мистицизму, который опирался на понимание чисел преимущественно как магических символов. «Эта романтическая реакция против правил и критериев с таким же успехом может произойти и в наши дни, и возможен возврат к некоторым

принципам, которые описывало Возрождение. Это — реальная возможность ближайшего будущего», — предсказывал Бертран Рассел⁷. Магия числа притягивает человеческое сознание, внушая ему представление о неоспоримой точности чисел и об эстетике цифрового лаконизма. Кажется, что у цифры большая смысловая емкость, чем у слова. В качестве знаков цифры экономнее и в пространстве текста, и, как выяснилось, во времени. Таков лаконизм приказов, отличающийся от лаконичности описаний и разъяснений. Власть выбирает именно такой язык, свойственный также машинерии, работающей по принципу экономии сил и энергии.

Некогда организаторы первой мегамашины черпали свою силу и власть из трансцендентного небесного источника. Космический порядок был положен в основу этого человеческого порядка: «Точность в измерениях, абстрактная система механики, принудительная упорядоченность действий этой мегамашины первоначально происходит от астрономических наблюдений и научных расчетов». Стимулами же для этого непременно служили коллективная безопасность и коллективно достигаемое изобилие. Машины власти, подчиняя себе стихийную природу, заодно подчиняли и человека, придавая ему роль основного элемента машины, субстанции, заимствованной у природы. Человек попадал в рационализированную область исчисления.

С появлением мегатехники господствующее в обществе меньшинство создает некую единообразную, всеохватную и выходящую за пределы земли структуру, предназначенную прежде всего для автоматической работы. «Если верить современным интерпретациям роли человека, поступающим со стороны технократов, присущие ему функции в будущем окажутся либо поглощены машиной, либо строго ограничены и подвергнуты контролю в пользу обезличенных коллективных организаций. В значительной степени такая интерпретация была связана с ошибочным сочетанием свойственного данному обществу типа механического процесса с необоснованным чувством растущего морального превосходства»⁸. Все усложнявшаяся со временем «машина власти», нуждаясь в соответствую-

⁵ Бодрийер Ж. Фатальные стратегии. М., 2017. С. 220.

⁶ Бекнет Г. Современная теория священного и светского и ее развитие // Беккер Г., Босков А. Современная социологическая теория. М., 1961. С. 159—160.

⁷ Рассел Б. Мудрость Запада. М., 1998. С. 286.

⁸ Мамфорд Л. Миф машины. М., 2001. С. 9—10.

ющей сакрализации, выстраивала для этого все более сложные идеологические обоснования.

Уже эзотеристская традиция Каббалы связывала число с некоей духовной или космической силой. Создание алфавита и изображение чисел приравнивалось к творению мира. Опираясь на закон аналогии и соответствия между различными планами Вселенной, каббалисты рассматривали форму, число и ценность букв и чисел не как алгоритм, а как реальные силы.

Пифагор, размышляя об этом, говорил, что всё в мире существует через число и что число определяет чистые и простые добродетели разных существ. Боэций был убежден в том, что расположение вещей имеет в качестве необходимого принципа связь чисел: сами числа содержат в себе возвышенные добродетели. «Силы, связанные с числами, столь восхитительны, настолько эффективны, что эти числа являются самыми... соответствующими небесным вещам и божественным идеям. Весьма высоко эпическое значение чисел ставил и Платон. Но и он, и Августин считали, что в числах имеется некая скрытая добродетель, действенность которой знаменательна как для добра, так и для зла»⁹.

Наука в своем чистом виде и множестве прикладных форм может содержать в себе оценки, связанные с предсказанием и контролем. «Наука как таковая может быть ангельской или дьявольской» (Г. Беккер).

Но homo faber оказался человеком поверхностным, его ум был прикован только к немногим известным предметам и нескольким грубым геометрическим формам: для него даже такая божественная форма, как сфера, не имела центра, будучи по-прежнему только реализацией «места, соединяющего две округленные ладони» (Г. Башляр). Человек творящий вполне может оказаться в области темных сил, расположившись там вместе со своей техникой.

Человеческая составляющая в мегамашине одновременно питала ее иррациональные качества и настойчиво требовала принятия рациональных решений. Внедрение технических начал и принципов, которые со временем оформляются в науку и специальное знание, только усугубляло этот разрыв. Вместе с тем нарастающая усложненность мегамашины требовала централизации управления, когда наряду с рациональным техническим обоснованием

происходила иррациональная сакрализация управляющего центра, на роль которого все более претендовали государственный аппарат и вождь. Наука как символическая конденсация последовательной рациональности считалась ценной прежде всего потому, что обещала обществу легкое достижение нерациональных и даже иррациональных целей (Г. Беккер). «В наши дни доестественное полностью вытеснило сверхъестественное, но удивительно наблюдать, как часто различие между ними стирается уже при жизни вождя», ему приписывается сверхъестественная сила, секуляризация, порождая новую сакрализацию, вызывает к жизни идолократию, позволяющую говорить о классовом сознании, национализме или демократии как о религиях»¹⁰.

Сосчитать — это означает продемонстрировать власть над элементами цифровой реальности. В выборе подсчитываемых объектов субъект уже демонстрирует свою избирательную волю, оценивая их в качестве однородных. Реальная власть статистики, господствующей техники XVII в., была заключена в такой избирательности, осознанно или неосознанно влияющей на результат. Статистические данные не проверяют, им верят. Поэтому государственная власть, стремясь сделать статистику своей монополией, с трудом терпит независимые от нее статистические исследования. Кто считает, тот и управляет процессами. Все политические технологии с древнейших времен вращались вокруг процедуры подсчета. Управленческие технологии — это манипуляции с цифрами.

В XVII в. выпестованное государством в своем лоне научное математическое мышление разрывало все прочие сплетения — колебалась и бледнела не только прежняя теологическая картина мира, но менялось внутреннее видение мира, поскольку его постижение «было преисполнено основными аксиомами этого геометрически-математического видения мира, движущегося между точкой и бесконечностью».

Эта новая догматизация политических властных образований, проблематика глубины, появления математической картины мира подрывала условности вновь сформированного, «сознательно напоенного редогматизированным христианством» классического и барочного общества. Паскаль замечал: «Все обще-

⁹ См.: Папюс. Наука о числах М., 1998. С. 77—80.

¹⁰ Беккер Г. Современная теория священного и светского // Современная социологическая теория. М., 1961. С. 215—216.

ства, так же как и государство, не что иное, как обычай, дурной компромисс, чтобы избежать хаоса», справедливость есть только то, что значимо, мода определяет как удовольствие, так и справедливость. «Поскольку справедливость нельзя было насильственно сделать, сделали справедливым насилие, чтобы справедливость и насилие шли рука об руку», следовательно, справедливостью называют то, что вынуждены соблюдать: всё колеблется вместе со временем. И это говорит великий математик и изобретатель суммирующей машины¹¹.

У пифагорейцев «великая монада» (единица) творчески воздействует на творческую «диаду»: как только она проявляется, первоначальный принцип становится двойным, неделимая сущность, неисчерпаемая бесконечность и земная, проявляющаяся субстанция. «Один есть аллегория активности, а два — объект, с которым осуществляется действие: матери, природы, мира. Продукт этого диалектического единства, активного и пассивного, который вводит разрыв в полноту бытия, есть феномен сотворения мира. Число 3 — ключ к аналогии между макрокосмом и микрокосмом: арифмология представляется идейным истоком современной компьютерной двоичной системы». (Машины, состоящие из ряда переключающих устройств, где включение последующего переключателя зависит от действия определенных комбинаций соединенных с ним предшествовавших переключателей, включающихся в то же самое время. Эти действующие по принципу «все или ничего» машины называются цифровыми машинами (Н. Винер «Кибернетика и общество»)).

Магия чисел питала науки об обществе верой в познаваемость мира, над которым она давала человеку власть. Число становилось рациональным основанием политического. Могущество «машины власти» возрастало пропорционально количественному накоплению государственной мощи (расширение территории, возрастание численности населения, рост капиталов и т.п.). Поэтому вся наука Нового времени базировалась на математическом принципе, и эта вера в число сохранялась слишком долго: математическое знание стало ассоциироваться со знанием вообще. И если знание становилось «силой», в этом прежде всего была заслуга математики.

Числовая комбинаторика за период от Средневековья до Нового времени сформиро-

ровалась в законченный инструмент, обеспечивавший для первой технической революции отвлеченные абстрактные языковые формы, которые тем не менее сохраняли в себе некий вещественный и конкретный магизм, присущий еще временам тотемизма. Гимном политической жизни в платоновском смысле и манифестом Нового времени стал призыв Кампанеллы, обращенный к Пико делла Мирандола: «Оставить библиотеки и обратиться к миру жажду действия». Священное существует повсюду, но лишь постольку, поскольку неизбывны человеческие масштабы (Альберти). Град человеческий точно соответствует природному ритму, и в нем соблюден единый масштаб, присущий универсальной связи человека с миром. Но рядом с этим гуманистическим призывом у Леонардо проявляется стремление свести все явления к их простейшему строению, которое в конечном счете является математико-механико-машинной структурой. Налицо машина-человек, машина-животное, машина мира. Движителями этих машин по-прежнему еще являются духи, духовная способность, т.е. сила понимается как нечто нетелесное, но физическое, сам по себе дух не может управлять, потому что если дух — нетелесное качество, то это пустота, а пустоты нет в природе (Леонардо).

Возрождение предлагало свой вариант арифмологии: божественные хронократоры как божественные начала отдают распоряжения силам, правящим стихиями. Вместо небесной механики мы находим мифологию, вместо математических расчетов и количественных отношений мы встречаем приказания и заклинания, нападение и защиту, литургию и риторику¹².

Джамбаттиста Вико считал саму математику совершенно познаваемой, поскольку она создана человеком, хотя и не имеет определенного отношения к действительности. Природа же совершенно непознаваема, зато она непосредственно соотносится к действительности: в «новой науке» он находит совпадение научной обоснованности и реального мира, но это и есть история. Б. Рассел считал, что представление о том, что общество более познаваемо, чем природа, было возрождено позже В. Дильтеем, М. Вебером и В. Зомбартом: общественная организация представляется естественным и эволюционным процессом, в котором принимают участие человеческие существа; накапливая

¹¹ Вебер А. Избранное: кризис европейской культуры. СПб., 1999. С. 414—415.

¹² См.: Гарэн Э. Проблемы итальянского Возрождения. М., 1986. С. 224, 250—251, 341.

традиции, они могут развивать формы общественной жизни. И «быть может, самая слабая черта XVIII в., — полагал Альфред Вебер, — то, что он так и не преодолел глубочайший разрыв между рожденными из чистой человечности идеальными тенденциями преобразования жизни и государства и brutальным идеализмом власти государств этого времени. Этому стремлению государств к власти идейно почти не была положена узда. Ему представляли, не освещая его глубоко, пребывать в границах посредством случайно примененного механизма европейского равновесия»¹³. Его слабость заключалась в том, что непосредственное видение трансцендентных сил, светлых и темных, уже скрытых математическим мышлением XVIII в., расплылось в его идеальном постижении, делая мыслительные образования «пустыми и призрачными».

2. МАГИЯ — ПЕРВАЯ ТЕХНОЛОГИЯ ВЛАСТИ

«Царство количества» Рене Генона и «информационное общество», как представляется, вырастают из одного корня. Подсчитать что-либо — означает установить над этим собственную когнитивную власть схемы: «числа отчасти становятся материей» (Фома Аквинский).

По замечанию Мирчи Элиаде, вообще «сделать» нечто — значит познать логическую формулу, с помощью которой это нечто может быть изображено или самопроизвольно стало бы явным. Так ремесленник становится знатоком секрета, т.е. магом. Людям Ренессанса и технологического обновления Европы магия некогда казалась чем-то несовместимым с техникой; Томмазо Кампанелла даже считал их сестрами — магия служила настоящим стимулом для технологического завоевания мира¹⁴.

И магическое действие достаточно долго занимало центральное положение среди всех видов человеческой деятельности. К такой оценке склонялись Марсилио Фичино и Джованни Пико делла Мирандола; Френсис Бэкон был обязан магико-алхимическим наставлениям

предшественников, когда определял науку как силу и активное действие овладения природой. И уже Лейбниц от Луллия до Бруно идет по следам каббалистических таинств в поисках логического ключа, который открыл бы все тайны, даже Декарт обращался к Луллиевым расчетам, чтобы найти наконец «чудесное основание» для искусства решения всех вопросов¹⁵. Кампанелла был уверен, что все науки, исследуя структуру реальности, пользуются магией в той мере, в какой она является практической деятельностью, преобразующей природу, включаясь в игру ее законов посредством технической изобретательности, способной действовать в ней.

И человеческое общество на всех своих уровнях представляет не что иное, как магию в действии: ведь каждое существо, которое вовлечено в магические отношения, участвует в некоем магическом процессе. Манипуляторы же, постигнув этот механизм, понимают, что «мир есть не что иное, как слепок автоматической линии», он наблюдает за всем этим, чтобы извлечь пользу.

Но в этой новой реальности сам процесс развивался уже только ради процесса. Экономика как таковая, цель и смысл существовали лишь в воображении, бесформенные и утопические, а «на переднем плане воцарились флора и фауна производящих монад, все спряталось за функции и формулы. Это был конец природы и конец истории. Прежние реалии — пространство и время — только функции формул... Даже такие наиконкретнейшие силы, как государство и общество, оказались механизмом, в сути своей непостижимым таким процессом в себе»¹⁶.

За законами подобия и сходства всегда существуют некие магические силы, за силами — магическая среда, а за ней — уже демонология, связанная со сверхъестественной силой. Здесь речь уже шла о власти, о магическом потенциале, о мере интенсивности особой сверхъестественной силы — маны, которая отчасти предшествует магическому ритуалу, а отчасти создается в его ходе, постоянно актуализируется магом¹⁷. Мана может быть как коллективной, так и индивидуальной, пронизывая вещи

¹³ Вебер А. Указ. соч. С. 123.

¹⁴ См.: Димитриев И. С. Неизвестный Ньютон. СПб., 1999. С. 159.

¹⁵ Герметизм, магия, натуральность для европейской культуры. М., 1999; Вебер А. Указ. соч. С. 414—415. 23—25.

¹⁶ Бенн Г. Признание в экспрессионизме // Двойная жизнь. М., 2011. С. 316.

¹⁷ См.: Мосс М., Юбер А. набросок общей теории магии // Мосс М. Социальные функции священного. СПб., 2000. С. 188—189.

и людей, подобно гипотетическому «эфиру», который имел столь важное значение для физиков еще в XIX в. (Так, акты обмена актуализируют чувство собственности отчуждаемых вещей, поскольку право собственности в этом плане происходит от сочетания проникновения вещей маной субъекта и его отношений с другими, которые состоят в отчуждении и передаче этих вещей¹⁸.) Повсеместное присутствие маны как властной среды делало ее универсальной энергией для управленческих технологий. Маг воздействовал на объекты целенаправленно и технически рационально, полагаясь на «симпатическое» взаимодействие вещей и людей: чтобы понять и подчинить другого, нужно «войти в него».

У Джордано Бруно процесс влияния на людей и общество непосредственно или через обращения к «могущественным невидимым существам» — демонам и героям — обозначен как «связывание». Бруно впервые разработал концепцию магии, рассматривая ее как науку и психологический инструмент для манипуляции как массами, так и отдельными людьми: «Знание соответствующих связей позволяет магу осуществлять свою мечту стать владыкой мира; он сможет когда и сколько угодно повелевать природой и человеческим обществом». Если «Государь» Макиавелли был предтечей политического авантюриста, то маг из бруновских «Связей» оказался прототипом будущих обезличенных массмедиа, глобальной манипуляции и «механизмом по промыванию мозгов», осуществляющим оккультный контроль над массами. Он принимает в расчет всю совокупность ожиданий для того, чтобы создать тотальную иллюзию «каждому свое». Да и сам Бруно не очень-то заботился о защите человеческого достоинства, признавая единственное право, которое принадлежит ни Богу, ни людям, но самому манипулятору¹⁹.

Настоящий маг должен был уметь приводить в порядок, корректировать, направлять фантазию, распоряжаться ею по собственной воле. Мастер памяти сам создает фантазмы и руководит своими эмоциями, чтобы не превратиться из «господина в раба», поэтому он должен отличать данные, полученные из фан-

тастического источника, от тех, что переданы от органов чувств, отличать воображаемое от осязаемого, ведь все вокруг поддается манипуляции. Для манипулятора открыты все пути, чтобы создать любые связи: надежду, сострадание, страх, любовь, ненависть, негодование, гнев, пренебрежение к жизни и смерти. Бруно выделяет главные источники связи, «связь связей» — эрос, воображение, веру. Маг использует естественные склонности и влечения, чтобы создать длительные связи и подчинить человека или группу воле манипулятора²⁰. (Накануне Второй мировой войны, в июне 1939 г., ведущие авторы таинственного «Коллежа социологии» дали утвердительные ответы на анкетный вопрос одного из авторитетных журналов: «Всегда ли были на Западе руководители сознания?» Аспекты политической магии могли быть самыми разнообразными²¹.)

«Привязать проще тех людей, у которых меньше всего знаний. Особенность их души такова, что она раскрывается и пропускает ощущения, вызванные техническими приемами и методами воздействия, и гораздо легче манипулировать многими, чем отдельным человеком». (Актуальность этих проблем очевидна. «Маг сегодня занимается общественными связями, пропагандой, изучением рынка, рекламой, информацией, дезинформацией... Напрасно историки сделали вывод об исчезновении магии с развитием точных наук», — полагал Й. П. Кулиану.) Наука всего лишь заменила часть магии, явившись продолжением ее мечтаний и стремлений, только уже с помощью технических средств... Самолет и компьютер лишь осуществили обещания, которые магия когда-то сформулировала... Можно сказать, что технология есть демократическая магия, позволяющая всем пользоваться «необыкновенным возможностями, которыми хвалился маг»²².

Ньютоновская сила притяжения вполне может быть сопоставима с принципом «взаимной симпатии» вещей, который является основополагающим для магической техники. Взаимосвязанность и взаимодействие предметов отмечает научное исследование, полагая этот принцип за свою аксиому: «Тела своими теперешними состояниями обязаны другим телам вне их, что

¹⁸ Гурвич Г. Д. Магия и право // Философия и социология права. СПб., 2004. С. 544.

¹⁹ Кулиану Й. П. Эрос и магия в эпоху Возрождения. СПб., 2017. С. 203—205.

²⁰ Кулиану Й. П. Указ. соч. С. 310—312.

²¹ Коллеж социологии. СПб., 2004. С. 495—513.

²² Кулиану Й. П. Указ. соч. С. 226—227.

при устранении окружающих тел они перестают быть тем, чем они нам представляются» (Джон Локк).

Пустого пространства не существует — и Декарт и Ньютон это утверждали. «Невозможно себе представить, чтобы грубая неживая материя могла бы без посредства чего-то такого, что не является материальным, действовать и влиять на другую материю без взаимного контакта» (И. Ньютон): рождалась идея «тонкой материи», идущая от «эфира» физики стоиков. Обнаружить эту связку между небесными и земными сферами казалось возможным с помощью математики, которая понималась как универсальная наука о порядке вообще, об отношениях и структурах²³.

Хотя власть всегда приходит извне, как власть некоего целого, она конституируется в поступках и действиях и тех, кто ее осуществляет, и тех, на кого она направлена. Но постепенно власть концентрируется в руках немногих или одного. Тогда власть, как это имеет место в тирании, может стать просто вождением одного. Между магами и властителями происходит разделение власти, и этот результат был уже заложен в самих магических техниках владения и управления. Как писал Д. Фрэзер, маги, ставшие царями, постепенно превращались в царей-жрецов и в живых царей-богов, и именно в момент вытеснения магии на второй план каста профессиональных магов начала поставлять обществу ученых. Магия, порождая царскую власть, появилась в новой роли благодетеля человечества, поскольку она разбила «застойную, имевшую плачевные результаты однородность геронтократии и по инициативе царей-магов допустила изменения», которые по «фантазиям деспотов-магов могли освободить человечество от рабского служения традиции».

Могущество мага не выходило за пределы управления имманентными сверхъестественными силами, с которыми он мог сам отождествляться, создавая их частично: царь же, «живой бог», являлся только посредником сакрального, высшей силы, и даже когда царская власть превращалась в жреческую функцию, имевшую основание в религии, магия продолжала со своими обрядами проникать в ее основания²⁴. (Как полагал Поль Ювелен, «магия превращалась в

юридическую технику частного права, признанную даже социальным правом», поскольку магия оказывала помощь в самофункционировании договоров и обязательств. «Под названием процедуры и разбирательства понимались по большей части жертвенные ритуалы; эта техника лишь подразумевала волю богов: то боги напрямую открывали свою волю в праве через оракулов и ордалии, то они открывали ее косвенно, используя в качестве посредников старейшину, мудрецов, судей, жрецов и царей. Юридическое пророчество, божественное повеление и табу не ограничивались подтверждением права на прошлое время; они имели тенденцию к фиксации правоположений на будущее в качестве общезначимой нормы» (П. Ювелен).

При нарушении права собственности или договора магическое проклятие с большей силой действовало на оспариваемую или украденную вещь, чем на нарушителя права. Магические санкции пронизывали процедуры юстиции и репарации. Нехит римского права являлся одновременно магической и юридической связью. Обязательство означало связывание церемониями или магическими формулами, а магио-юридическая связь в момент своего расторжения знаменовала установление магического равновесия. Магией пользовались для того, чтобы связать стороны, участвующие в договоре, — каждая из сторон в определенных условиях заранее допускала возможность подвергнуться проклятию. Магическое влияние проявлялось также в клятве, «данном слове», выражавшееся в разных символических формах и в письменном договоре, где «букве, написанным словам приписывается действительная магическая сила». П. Ювелен даже полагал, что религиозно-магические элементы проявляются при анализе источников таких понятий публичного порядка, как суверенитет, публичная власть, государство, на которых и покоится право²⁵.

Действие власти на другого человека всегда проявляется в форме детерминации. Власть полагает в нем мотивы: или прямые мотивы, «обусловленные самостоятельно пережитой силой полезности, истины, красоты, святости», или косвенные, вследствие того, что преднайденный им в опыте фактический контекст

²³ См.: *Дмитриев И. С.* Указ. соч. С. 83—108.

²⁴ Цит. по: *Гурвич Г. Д.* Указ. соч. С. 518—519, 523.

²⁵ Цит. по: *Гурвич Г. Д.* Указ. соч. С. 526, 529—530.

мотивации благодаря как бы техническому их включению в духовное взаимодействие, используется как рычаг «для целей, представляющих ценность для обладателя «власти». «Человек власти» использует известное положение «Знание — сила», чтобы господствовать над людьми при помощи общественной техники²⁶.

Власть мага приводится в действие с помощью ритуала и заклинаний: тогда слово уже перестает быть лишь словом и физически выражает сущность вещи, которую оно называет. Магия — это в принципе наука слова, эти слова и символы призваны конденсировать физико-космические энергии. Маг же должен полностью слиться со своими действиями, и совпадение это отнюдь не символическое, оно призвано стать реальным и действенным. Корнелий Агриппа пояснял: священные обряды, ритуал, который их окружает, обладают такой силой, что даже если они остаются непонятными и не наблюдаются пристально, они не становятся от этого менее эффективными при условии, что они исполняются с верой. И «математика необходима магии и во многом с ней связана до такой степени, что тот, кто изучает одну, не опираясь на другую, становится на путь безысходности» («Небесная магия»)²⁷: всякое политическое действие, каким бы рациональным оно ни было, всегда проникнуто элементами магии.

3. ПОБЕДА ФУНКЦИИ

Эудженио Гарэн полагал, что научная рациональность принадлежала скорее теологии, чем вырастающим из нереальности зла импульсам, которые «давили на бастионы порядка» и испускались магией, культивировавшей их, исследующей, испытывающей и пользующейся ими. Рассудочные же структуры теологизированного видения мира и крайний рационализм разрушали реальность, противопоставляя логические, понятийные, четкие рамки подвижной зыбкости жизни: «однообразность, суровость законов против абсурдности чудес». Магико-астрологическая традиция постулировала связь и единство всего так, что «сияние наиболее от-

даленной звезды отражается в любом, даже самом скрытом месте мироздания». В поэтике Кампанеллы и Бруно единство жизненного порыва, являющегося одновременно формой и материей мира, описывается как истечение энергии, которая создает свои порядки и их же перестраивает, когда познание и поступок совпадают, а наука ставится на службу бесконечного магического преобразования всего²⁸.

«Картина мира, сущностно понятная, означает не просто картину, изображающую мир, а мир, понятый в смысле такой картины». Сущее становится сущим, когда оно поставлено представляющим и устанавливающим его человеком. «Миру, который стал картиной, свойственно быть новым» (М. Хайдеггер), поэтому основной процесс Нового времени — покорение мира как картины. Но как только рационалистический «гигант планирования, расчета, организации» превращается из количества в собственное качество, тогда все это, подлежащее расчету, становится расчету не поддающимся: «Неподотчетность невидимой тенью нависает над всеми вещами в эпоху, когда человек стал субъектом, а мир картиной»²⁹.

Но даже если весь мир до самых своих основ и будет перестроен техникой, для которой характерна безудержная специализация, то это вовсе не значит, что тем самым будет решена хотя бы одна из важных проблем, стоящих перед человеком. Техническое развитие может и должно иметь границы. Под натиском техники может начаться движение к новому миру устойчивости и границ, новому классицизму действия и господства, где «смыслы высшего порядка будут передаваться посредством нового интегрированного механического языка».

«Теперь же ищут дешевых решений... которые тешат иллюзиями о возможности предотвратить катастрофу путем переговоров и обсуждений; в рамках категорий «договора и общества» молчаливо подразумевают выработанную рационалистической и просветительской антропологией идею о якобы добром от природы человеке»³⁰. И если человек, который «по натуре добр», вдруг предстал злым, то в этом стали видеть вину среды и общества. Все стало приближаться к некоему усредненному

²⁶ Шпрангер Э. *Формы жизни*. М., 2014. С. 188—189.

²⁷ Цит. по: Натаф А. *Мэтры оккультизма*. СПб., 2002. С. 61.

²⁸ Гарэн Э. Указ. соч. С. 343—344.

²⁹ Хайдеггер М. *Время картины мира // Время и бытие*. СПб., 2007. С. 73.

³⁰ Эвола Ю. Указ. соч. С. 108—109.

типу человека, ничего великого и выделяющегося. «Человек добр, но в нем нет ничего героического, на него уже не возложена ответственность, он должен быть практически полезным, целесообразным»... Обесценивается все трагическое, все судьбоносное, все иррациональное, действительным признается только доступное, понятное. «Человеку не надо ни за что бороться. Это за него делают общество, партия, народные массы». Все страдания можно победить гигиеной и социальными методами. С другой стороны, все творения подвластны науке.

Две эти идеи разрушали все прежние взаимосвязи, саму субстанцию, обесценивали все ценности — это и был настоящий нигилизм XIX в.: «Видовая субстанция стремится к выражению, перескакивает через всю промежуточную идеологию и непосредственно и неприкрыто овладевает техникой, в то время как цивилизация... обращается вспять, к мифу»³¹.

М. Хайдеггер называл «поставом» притязания, побуждающие человека к тому, чтобы противостоять природе посредством современной техники. По его мнению, вся физика Нового времени есть предвестник «постава»: представление предметности теперь задается, но не факт, что природа «остаётся могущей быть поставленной в качестве системы информации», бездумное приведение техники в движение или бесполезное ее восприятие сопровождаются исчезновением истины в некоем «правильном»: постав делает «сокрытым не только предшествующие формы открытости», но искажает саму истину.

Физика Нового времени становится проявлением, манифестацией воли, которая откровенно стремится к господству над миром: О. Шпенглер заметил, что внутри барочной философии европейское естествознание существует как бы само по себе. С самого начала естественные науки стали не служанкой теологии, а «прислужой технической воли к власти и только потому — математически и экспериментально ориентированной, в основе своей практической механикой»³².

Новоевропейская «механическая экономика», сплошной машинообразный расчет всякого действия и планирования в своей безусловной форме требует нового человечества, выходя-

щего за пределы прежнего человека, полагал М. Хайдеггер. Недостаточно обладать военной техникой и людьми, способными ее обслуживать, недостаточно даже просто овладеть техникой, словно она есть нечто в себе безразличное, потустороннее пользе и вреду, строительству и разрушению. «Требуется такое человечество, которое в самой своей основе сообразно уникальному существу новоевропейской техники и ее метафизической истине», которое дает существу техники целиком овладеть собой. На это способен только ницшеанский «сверхчеловек», который нуждается в машине для безусловного господства над Землей³³.

Фридрих Юнгер обратился к анализу понятия «постав», использованного Хайдеггером для обозначения не аппарата и организации, а для некоего предварительного условия, которое делает всякое техническое обустройство и оборудование возможным. Ф. Юнгер в этой связи подчеркивает различие, существующее между «вещностью» и «предметностью»: «В правовом смысле предмет — это нечто, что предполагает наличие лица, так же как существование самого лица подразумевает, что ему противостоит некий мир предметов. Вещное право является обязательным коррелятом права личности: предметы возникают из спора, спор (речь здесь идет не о каузальной связи) есть «причина предметов». Предмет оказывается интенсификацией сказанного, поскольку сказанное в споре является причиной возникновения предметов и предметности, есть нечто, что основывается на сказанном о предметах»³⁴.

В «машине власти» исчезает или становится невидимой ее субстанциональная составляющая. Между техникой и человеком теряется различие. Первичной становится функция. Технологии власти исключают из сферы своей деятельности моральные и умозрительные (метафизические) элементы: власть заменяет свое лицо маской (Э. Канетти).

«Становясь предметами, вещи расстаются со своей хрупкой и мимолетной жизнью, со своим своеобразием, ведь в понятии «предмет» уже присутствует лишение лица». Предметы противостоят лицу, тогда как вещи обладают еще свободной от каких бы то ни было различий между лицом и предметом собственной тай-

³¹ См.: Бенн Г. Указ. соч. С. 289—291.

³² Шпенглер О. Закат Европы. М., 1998. Т. 2.

³³ Хайдеггер М. Время и бытие. СПб., 2007. С. 179—180.

³⁴ Юнгер Ф. Язык и вычисления // Язык и мышление. СПб., 2005. С. 51—55.

ной и жизнью. «Предметы же, как гласит одна юридическая дефиниция, суть отграниченные телесные фрагменты окружающей человека природы». Юристы используют понятие «объект» как обозначение для сведенной в понятие всей совокупности предметов определенного рода и ставят его выше предмета. В объекте исчезает вещь и ее вещьность. И вещи, предметы, объекты исчезают всюду, где появляется функция. Власть функции и предприятия, индексирующего функции, велика, предприятие захватывает все более обширные области, «его пункты управления контролируют все большие и большие площади», реализуется некий универсальный рабочий план, задуманный в планетарном масштабе: «Всю область кибернетики можно понимать как функционально упорядоченную, поэтому распоряжаться ею будут функционеры»³⁵.

Технические достижения все более предстают как главный знак высшего положения человека в бессмысленном и хаотическом мире. Технический прогресс на уровне потребления благоприятствует определенной пассивности индивида и развитию ресентимента. «В момент истории, к которому мы подошли, — полагал Г. Марсель, — становится очевидным, что как только техника, на которой зиждется цивилизованная жизнь, отступает, тогда с поразительной скоростью происходит возврат к варварству, опирающемуся на разум».

Техника и функционализм — две взаимосвязанные части одного и того же зла. Освобождение технического начала превращает то, что вначале определялось как средство, в самостоятельную цель. Злоупотребление техникой рискует привести к настоящей охлократии. Зависимость техники от технологии сопровождается уменьшением межличностной солидарности между людьми и «все больше и больше — между «недочеловеками», т.е. между такими существами, которые все больше сводятся к собственно функции, на полях которой реализуются развлечения с изгнанным из него воображением. Становясь все больше зависимым от техники, индивид уже неспособен освободиться от того ансамбля предупреждений, которые предстают как соблазны»³⁶.

Нумерация, «оцифрование» является свидетельством того, что утрачена самостоятельность

предмета и индексируются уже не вещи, предметы и объекты, а отношения. «Предприятия — это система индексации, оно есть то, что возникает тогда, когда исчезает самостоятельность предметов. Нумерация — составная часть самого метода, называемого нормированием или стандартизацией»: вступив на этот путь, вещи, предметы и объекты исчезают. Происходит это потому, что они индексируются по их отношению к определенному предприятию, сущность машины полностью открывается, когда она теряет силу предметной самостоятельности, когда она полностью подчиняется планированию, стандартизации и автоматизации. «Мы окружены механизмами и при их включении представляем собой систему индексации, предприятия индексируют нас самих: включая и выключая механизмы, мы устанавливаем определенные отношения с предметами», эти отношения функциональны, в этом процессе есть «нечто чуждое нам и даже злое, к тому же сегодня никому не ясен его масштаб. Зловещим в нем является то, что исчезновение предметов влечет за собой и исчезновение личности»³⁷.

Ф. Юнгер задается вопросом, не содержит ли в себе любое мыслимое исчисление одновременно и инструкции по собственной эксплуатации? Пропаганда, реклама — не что иное, как голос предприятия, индексирующего отношения. Языком распоряжаются как инструментом, это — способ потребления, расходования. Чудовищная мощь процесса расходования осознается немногими... Наши старые надежные порядки разрушаются. Разрушается порядок собственности, порядок взаимоотношений людей и предметов. Вместе с ним зашатался и весь основанный на этом личностно-предметном отношении правовой порядок, а с ним — весь государственный порядок... Зашатались все существующие сообщества. Можно ли понимать государство как центральный пункт некоего предприятия или систему индексации отношений? Как автоматически функционирующий механизм, предполагающий наличие лишь функций и функционеров? «Человек индексируется предприятием, рассматривается им с точки зрения функционирования аппаратуры и организации труда».

Этот автоматизм характеризуется исчезновением границ. Но там, где исчезают границы,

³⁵ См.: Юнгер Ф. Указ. соч. С. 63—64.

³⁶ См.: Марсель Г. Люди против человеческого. М.-СПб., 2018. С. 62—69.

³⁷ Юнгер Ф. Указ. соч. С. 59—61.

рождается страх, страх — это не что иное, как потеря границ, потеря дистанции³⁸. «В наше время только одна область техники не вызывает симптомов упадка, что явно выдает ее принадлежность к иной, более значительной системе отсчета...». Мы имеем дело с одной из тех «материальных революций, которые совпадают с появлением новых рас, успешно овладевающих магией новых средств» (Э. Юнгер).

Технику как совокупность приобретенного (в противоположность врожденному) от механики (сложного изготовленного объекта) отличает то, что технические устройства не являются ни телесными системами, ни механизмами. Так, даже наша письменность — уже это, конечно, техника³⁹.

4. ТЕХНИКА В ПОЛИТИКЕ

У Паоло Маттиа Дориа, автора концепции «добродетельной политики», близко стоявшего к идеям Вико, геометрические сущности образуют «универсальную математику» и всеобщий обычай рода человеческого. Математика здесь выполняет функции здравого смысла, о котором говорит Вико, и «вводит реальные различия в видимость чувственного мира», тем самым приготавливая твердую почву для совместной жизни людей...

Дориа был уверен, что политическое управление не может быть отдано на откуп «ученым практикам с их гипотетической метафизикой (у картезианцев) и коммерческой политикой меркантилистов: для управления государством недостаточно только благоразумия». (За спиной «торгашей» Дориа маячит несколько загадочный силуэт «политических каббалистов», которых нельзя наделять политическими полномочиями из-за их сугубо «механического строя мышления»⁴⁰.) Практический платонизм вступает здесь в конфликт как с коммерческим республиканизмом, так и с естественно-правовыми теориями эпохи.

Машинная техника есть самостоятельное видоизменение практики такого рода, что практика начинает требовать применения математического естествознания (М. Хайдеггер).

Все процессы для того, чтобы их можно было представить в качестве природных, должны быть заранее определены в пространственно-временных величинах движения. Гипотезы разворачиваются из основополагающей схемы природы и вписаны в нее. Современный исследовательский эксперимент есть не просто наблюдение, а метод подтверждения закона в рамках и на службе определенного объекта природы: «Наука Нового времени коренится и вместе с тем специализируется в проектах определенных предметных сфер»⁴¹.

В середине XV в. корпорации священнослужителей были ошастливлены изобретением печати, принимая ее просто за дополнительный технический момент. Они не разглядели, что при этом возникали и совсем новые отношения социальности. Печатная продукция вызвала подрыв церковной иерархии, подобный тому, как позже телевидение будет подрывать старые политические и партийные иерархии, которые будут пытаться все же примкнуть к новой сети. Старый порядок будет даже пытаться извлечь прибыль из новых техник. (Из-за одного того факта, что аналоговые запоминающие устройства больше не требуют особой квалификации для доступа к архиву и передают кодирование и декодирование машинам (компьютеру), они наделяются непосредственным культурным знаменем и преимуществами информации над знанием»⁴².)

Существуют счетные и контрольные машины, которые скорее измеряют, чем считают. Эти машины называются аналоговыми машинами, ибо их действие основано на аналоговых связях между измеряемыми и цифровыми величинами, предположительно их выражающими (Н. Винер «Кибернетика и общество»).

Под названием «процедуры и разбирательства» долгое время понимались прежде всего жертвенные ритуалы. «Эта техника лишь подражала воле богов. Магия порождала индивидуальное право, но она же предполагала опасности и риски злоупотребления индивидуальным правом, на которое опирается для того, чтобы исказить социальное и религиозное право: во всяком случае, индивидуальное право, которым злоупотребляли в магии, объективно

³⁸ Юнгер Ф. Указ. соч. С. 65—66.

³⁹ Дебре Р. Введение в медиологию. М., 2000. С. 59.

⁴⁰ См.: Иванова Ю. В., Соколов П. В. Кроме Макиавелли. М., 2014. С. 109—110, 112—113.

⁴¹ Хайдеггер М. Время картины мира. С. 60—66.

⁴² Дебре Р. Указ. соч. С. 85—96.

предшествовало праву религиозному, обретая в нем свои корни», — полагал Поль Ювелен⁴³.

Государство-маг — если, конечно же, это не вульгарный иллюзионист — оказывается гораздо предпочтительнее следующего за ним государства-полицейского, подавляющего всякую иллюзию свободы. Но слишком уж много тонкости и проницательности — вот главные недостатки государства-мага, которое может деградировать и превратиться в государство-колдуна; недостаток тонкости и проницательности — главные недостатки государства-полицейского, которое деградирует до уровня государства-тюремщика. Система принуждений в перспективе обречена, поскольку то, что она защищает, всего лишь груда безжизненных формулировок. И, напротив, государство-маг все время развивает новые возможности и новые тактические приемы, и если что и угрожает его существованию, то как раз избыток жизненных сил.

Изоощренные вынужденные игры укрепляют бдительность государства-мага. Но этот интеллектуальный монстр оказывается безоружным, когда приходится планировать долгосрочные процессы или создавать привлекательный имидж для международных отношений. Государство истощает свой интеллект, отвлекаясь на внутренние проблемы, являя неспособность выработать стратегию долгосрочной магии. И все же принуждение, вызванное силой, склоняется перед принуждением, вызванным изоощренными приемами магии, этой науки прошлого, настоящего и будущего⁴⁴.

Политика же как искусство «пользоваться удобными случаями и создавать такие случаи» руководствуется государственным разумом. Он и есть искусство индивидуального расчета, в котором неизменным остается только один фактор — государственный интерес. Ньютоновская система гравитации действует в государственной жизни XVIII в. в качестве образца для внутренней политики. Замечают, что в политике все состоит в отношении ко всему, эти отношения изучают с хладнокровием математика; однако их изучают в то же время прагматически, т.е. ввиду возможного применения, использующего совершенно неповторимую «конstellацию деятелей». При самом широ-

ком распространении идеи права уникальные, не поддающиеся предвидению ситуации в политике могут быть урегулированы только таким образом. «Всеобщие загодя готовые принципы, сталкиваясь с судьбоносными вспышками большой политики, произвели бы скорее парализующее, чем благоприятствующее, действие»⁴⁵.

«Кто считает верховным законом истину, тот не может считать верховным законом власть» (Макиавелли). Истина принимается в расчет только как техническое средство, до тех пор пока мы не выходим из границ чисто политической этики. Эдуард Шпрангер рассуждал: было бы интересным предметом для исторического рассмотрения, как ньютоновская система гравитации действует в государственной жизни XVIII в. в качестве образца для внутренней политики. Государственный интерес оказывается совершенно отличным от Ratio, в котором просветители почитали первоисток всеобщей значимости. «Безличный бюрократический характер бухгалтерии соревновался с монашеским или военным порядком за право заложить настоящие основания жесткой дисциплины из безличной правильности». Этот порядок в будущем «идеально перейдет на автоматические машины и компьютеры, способные выносить человеческие суждения и проявления с тактичностью еще меньшей, чем какой-нибудь великодушный клерк».

Новая бюрократия, занимающаяся управленческими делами и координацией, вновь сделалась необходимым придатком всех крупномасштабных и действующих на расстоянии предприятий: при единообразии норм — ведение счетов и записей задавало тон для всех прочих частей машины и лишь неспособность считаться с этой математической стороной механизации как прелюдией к промышленным изобретениям породила в будущем искаженное и однобокое представление о современной технике. «Мощь, скорость, движение, стандартизация, массовое производство, количественное измерение, регламентация, точность, единообразие, астрономическая правильность, контроль, прежде всего контроль — все эти понятия стали ключевыми паролями современного общества» (Льюис Мамфорд)⁴⁶.

⁴³ Гурвич Г. Д. Указ. соч. С. 507, 526.

⁴⁴ Кулиану Й. П. Указ. соч. С. 230—231.

⁴⁵ Шпрангер Э. *Формы жизни*. М., 2014. С. 198—199.

⁴⁶ Мамфорд Л. Указ. соч. С. 363, 381.

Рене Генон с горечью замечал: если люди современной эпохи хвалятся тем, что изменяют мир во все большей и большей степени и все вокруг становится всё более искусственным, это означает, что всю свою деятельность они готовы направить исключительно на область количественного. Современная промышленность во всех отношениях представляет собой триумф количества, ведь сами машины созданы таким образом, что даже люди, приводящие их в действие, оказываются «сведены к совершенно механической деятельности», и в самой продукции этой промышленности качество полностью принесено в жертву количеству⁴⁷. Этому сопутствует стремление к равенству, в котором индивиды делаются настолько похожими друг на друга, насколько позволяет природа.

В беседе изобретателя термина и образа «робот» с крупным политиком и президентом республики оба собеседника сошлись во мнении, что «человек по своей сути мифолоб, мифологичность и наглядность не разделены в нем строго и проявляются вперемешку». Вспомним Вико и Конта, поставивших мифопоэтическую стадию развития человечества прежде героического и человеческого периодов истории, когда произошла эволюция от метафизических и абстрактных представлений и первопричины к позитивизму фактов, их порядку и закономерностям⁴⁸.

Габриэль Марсель замечает, что центр тяжести и основание для равновесия у современного человека становятся внешними, сам он все больше располагается в мире вещей, «среди аппаратов, от которых зависит в своем существовании... Чем эффективнее человек достигает господства под природой, тем в большей степени отдельный человек становится рабом этого завоевания», внедрение техники в жизнь ведет к тому, чтобы радость заместить удовлетворением, а обеспокоенность — удовлетворенностью.

Технический прогресс непременно должен уравниваться внутренним ростом человека, направленным на всё большее овладение собой (А. Бергсон). Однако технический прогресс подвергает человека опасности поклонения ему как идолу, а опасность содержится в «механическом способе распространения

информации», что ведет к деградации того общения, которое намереваются транслировать»⁴⁹.

5. МЕХАНИЧЕСКИЙ РАЦИОНАЛИЗМ

Сфера человеческой деятельности, менее всего поддающаяся рационализации, — это сфера политики. Консерваторы предполагают, что ее вторжение чаще всего ведет не к реформированию, а к разрушению: в этой ситуации традиция должна быть разрушена, и «на место разрушенной традиции рационалист помещает собственное творение — идеологию, представляющую собой формализованную, сокращенную версию того, что, по его мнению, и является «рациональным зерном» разрушенной традиции».

Миф рационалистической политики заключается в ее понимании как частного случая инженерии. Такая политика стремится к совершенству и единообразию. Природа вещей такова, что в ней непременно должна быть предусмотрена единая, лучшая из всех форма правления (Годвин). Декларация прав человека есть такое порождение рационалистического ума, тот же тип мышления, который еще ранее породил и идею «всемирного государства». Рождается убеждение, что технические знания невозможно отделить от практических, «суверенность разума для рационалиста равносильна суверенности техники»: чисто технический характер обусловлен тем, что в качестве инструмента исследования он безразличен к предмету исследования.

Рационализм, восходящий к Декарту, был непосредственно связан с идеей механической физики, отрицающей всякий высший по отношению к разуму принцип. Лейбниц подверг критике неспособность этого метода объяснить «истинную сущность вещей, почему он и он обладает только репрезентативной, но не объяснительной ценностью и учитывает только внешнюю видимость вещей»⁵⁰. «Рационалистической верой в самодостаточность метода пронизаны как допущенные возможности реализации всеохватывающего механического контроля, так и детали каждой из предложенных конкретных схем: ведь данная проблема

⁴⁷ Генон Р. Указ. соч. С. 54—56.

⁴⁸ Чапек К. Беседы с Т. Г. Масариком. М., 2000. С. 155.

⁴⁹ См.: Марсель Г. Указ. соч. С. 57—62.

⁵⁰ См.: Оукиот М. Рационализм в политике. М., 2002. С. 10—27.

причислена здесь к разряду «административных»⁵¹.

Изначальная потребность в порядке и достижении этого порядка с помощью повторяющихся действий, все более формализованных, была основополагающей для становления мегамашины. В силу самого своего успеха обряды, ритм и упорядочивание слишком часто приобретали автоматизм бессознательного существования и тем самым приостанавливали человеческое развитие (Л. Мамфорд): врожденная избыточность человеческого существа здесь уступает место статике и унифицированности.

Иудейско-христианский монотеизм делает возможной резкую противоположность человека и природы (чего не позволяла себе греческая метафизика), закладывая основание для технического подхода к самой природе: «Провозглашенный Новым временем принцип «верить фактам» (*verum factum*), которому следовали и Николай Кузанский, и Ф. Бэкон, Гоббс, Вико и вплоть до Канта, стал главным мостом между метафизикой Нового времени и современной техникой. Человек попытался освободиться от Бога, перенимая его функции творца мироздания, полагая, что только там и может он обрести достоверность, где он сам же произвел познание. Природное тогда заменяется созданным искусственно, а сам человека становится частью природы, «понятой в духе современной науки, т.е. природы как математически исчисленной связи сил»: субъект Нового времени доказывает свое могущество тем, что делает природу и самого человека объектом, который должен быть подчинен его господству»⁵².

Машина же в то же время воспринималась как что-то дьявольское — и не напрасно, утверждал Освальд Шпенглер. Машина трудится и вынуждает к сотрудничеству людей. Делаясь все более обезличенной по своему образу, мистичнее и экзотичнее, все духовнее, машина в глазах верующего человека означала ниспровержение Бога, ведь живые существа посредством своей духовной силы сделали неживое зависимым от себя.

Но люди скоро сами сделались рабами своего создания. «Их численность и все устрой-

ство образа жизни оказались вытеснены машиной на такой путь, на котором невозможно остановиться хотя на миг, не отступить назад». Шпенглер заканчивал свое знаменитое произведение словами: «Если предположить, что наиболее даровитые люди будущих поколений сочтут спасение души делом более важным, чем вся власть мира сего, что под влиянием мистики и метафизики, приходящих на смену рационализму... (это шаг от Роджера Бэкона к Бернарду Клевронскому), элиту охватит всевозрастающее ощущение сатанизма машины...»⁵³

«Дьявол, с которым борется ученый, — это дьявол беспорядка, а не сознательного преступного намерения». Точка зрения, что природа обнаруживает энтропическую тенденцию, является точкой зрения св. Августина. Зато в «Потерянном рае» Мильтона дьявол есть всего лишь создание Бога и принадлежит миру, и если служит лишь для того, чтобы подчеркнуть некоторые темные стороны жизни, то великая битва между падшими ангелами и силами Бога становится особенно интересной. (Э. С. Гарднер в своих рассказах дает понять, что в законодательстве имеют место случаи, когда «не только допускается и поощряется обман, или, говоря языком кибернетики, посылка сигналов с сознательной целью установить замыслы отправителя сигналов»⁵⁴.)

Но опасность техники, как считал М. Хайдеггер, заключается не в ужесточении человека, а в преобразовании его сущности. То, что уже давно ему угрожает, — это «абсолютный характер чистого волнения в смысле преднамеренного стремления утвердить себя во всем». То, что угрожает человеку в его сущности, есть «волевое убеждение, будто посредством мирного высвобождения, преобразования, накопления сил природы, а также управления ими человек может сделать человеческое бытие для всех сносным и в целом счастливым». Но такое желание овладеть техникой уже само есть выражение технического образа мыслей⁵⁵.

Слово «воля» нависало над XIX в. как символический знак. В социологическом плане это означало бурную динамику. «Идейное» же

⁵¹ Генон Р. Указ. соч. С. 99—100.

⁵² См.: Хёсле В. Философия техники М. Хайдеггера // Философия Мартина Хайдеггера и современности. М., 1991. С. 146—147.

⁵³ Шпенглер О. Закат Европы. М., 1998. Т. 2. С. 536.

⁵⁴ Винер Н. Творец и будущее. М., 2003. С. 127.

⁵⁵ Хайдеггер М. Время картины мира. С. 69.

значение понятия лежало уже на пороге XVII в. в виде взрывчатого материала, впервые разрядившись в качестве революционной идеи свободы. Революции только маскируются радикальным реформизмом, но это означает только то, что социальная революционность имеет свои собственные пути: «путч, террор, убийства и собственная скрытная или открыто проведенная подготовка переворота».

Обе исторические жизненные основы — число людей и техническое промежуточное царство — внезапно приходят в тревожное движение. К этому присоединяется технический переворот, ставящий «между быстро растущей массой людей и природой все более плотные и замкнутые рычаги и каркас уже не входящего в природу, а отделяющего от нее промежуточного царства, которое создает совершенно новый по механике труда машинный мир»⁵⁶. На этом фоне нарастают империалистическая эволюция и техническое преобразование милитаризма, делающее его самостоятельным фактором политики: нигилизм становится духовным результатом, историзацией и релятивизацией века. «Нормальным» в восприятии масс нигилизм сделало именно господство техники, в котором и раскрывается настоящая «воля к воле» (М. Хайдеггер). Торжество мира техники из пугающей перспективы в XX в. становится историей прошлого века.

Ритмику механизации труда следует искать уже в древнем порядке ритуала. Со временем религиозные предписания, магические заклинания и царские повеления, создавшие функциональную структуру мегамашины, превратились в новый коллективный механизм. «Посредством мегамашины царская власть стремилась сделать силу и славу небес достоянием человека». И машина навязывала людям ту же самую общую регламентацию, способы принуждения и наказания, которые создавали и контролировали, сужали границы общественной автономности, личной инициативы и самоуправления⁵⁷. Ритуалы жертвоприношения и ритуалы принуждения были отработаны до совершенства действий военной машины. Принудительная коллективная форма порядка стала главным достижением негативной мегамашины. Постоянные утверждения власти о своей

непобедимости и могуществе, порождающие страх и тревогу, явно свидетельствовали о возращении иррациональности, пропорциональной орудиям уничтожения, имеющимся в распоряжении властителя (Л. Мамфорд приводит пример Леонардо да Винчи, пугающие образы которого, связанные с совершенствованием техники, напоминают чудовищные научно разработанные способы уничтожения людей, имевшие место уже в нашу эпоху⁵⁸).

У Эрнста Юнгера «работа» означает не деятельность как таковую, но выражение особого бытия, которое стремится заполнить собой время и пространство и тем самым создает собственный закон. В этом смысле и техника «есть способ, при помощи которого гештальт рабочего» мобилизует мир; техника здесь приобретает глубоко революционный характер. «Это зловещее и однообразное движение», круговорот механических масс приобретает вид строгой рациональности и порядка. Этот тип движения свойственен не только лучащемуся холодом искусственному мозгу, созданному человеком. Он повсюду, где действуют и мыслят, сражаются и развлекаются. Старое деление на органическое и механическое более не работает, некие силы, действующие под механическими масками, впечатывают живую реальность в работу своих интересов⁵⁹.

Современная война приводит к прорыву стихийных сил, связанных с силами материальными, т.е. с системой технических средств тотального разрушения. На вызов разрушительных механических сил новый человек должен ответить абсолютным внутренним деянием, усвоить новую этику и новое мировоззрение. «Необходимо перенести на мирную жизнь военную концепцию тотальной мобилизации, тотальную задачу жизни, полную самоотдачу действию» (Э. Юнгер).

Равновесие, к которому стремится система, приспособлено к изменениям во внешней среде и поэтому нечувствительно к таким изменениям: система находится в состоянии частичного гомеостаза. Такая машина может обучаться, т.е. приспосабливаться формами своего поведения к устойчивому равновесию с окружением (У. Эшби, как утверждал Н. Винер, полагал, что можно создать машины, ко-

⁵⁶ Вебер А. Указ. соч. С. 435—436.

⁵⁷ Мамфорд Л. Указ. соч. С. 279.

⁵⁸ Мамфорд Л. Указ. соч. С. 374.

⁵⁹ Эвола Ю. Указ. соч. С. 67—68.

которые были бы умнее своих создателей. При некоторой степени сложности приобретенная информация может не только сравняться с той, которая была первоначально заложена в машину, но и далеко ее превзойти, и в этой стадии сложности машина приобретает некоторые из существенных характеристик живого существа: роль впечатлений выполняют приходящие сообщения, действий — исходящие).

Норберт Винер цитировал рецензию доминиканского монаха Дюбрала на свою «Кибернетику»: «Разве нельзя представить себе государственный аппарат, охватывающий все системы политических решений либо при режиме многих государств... либо при явно более простом режиме общечеловеческого правительства всей планеты?» Машина управления сможет заменить — на пользу или во вред — современную очевидную недостаточность мозга, когда последний имеет дело с обычной машиной политики. Такая машина должна обладать вероятностной, а не детерминированной мыслью, поскольку процессы, составляющие объект правительственной деятельности, могут быть уподоблены играм. В таком случае «машины правительствования будут характеризовать государство как игрока, наилучшим образом информированного на каждой отдельной ступени, и государство будет единственным верховным координатором всех отдельных решений», это позволит ему при всех обстоятельствах наносить поражение каждому игроку в человеческой игре, кроме себя, предлагая дилемму: либо немедленное уничтожение, либо плановое сотрудничество; дилемма представляет последствия самой игры без применения внешнего насилия⁶⁰. Н. Винер утверждал, что первая промышленная революция (революция «темных сатанинских фабрик») была обесцениванием человеческих рук вследствие конкуренции машин. Современная же промышленная революция должна обесценить человеческий мозг, по крайней мере в его наиболее простых и рутинных функциях: если XVII и начало XVIII в. были «веком часов», то весь XIX в. — веком паровых машин, настоящее время есть век связи и управления⁶¹.

И на всех ступенях развития техники людей интересовала возможность создания машин, подражающих живому организму, и это

стремление к созданию автоматов всегда выражалось на языке существовавшей в данное время техники. Во времена Ньютона автомат принимает вид часового музыкального ящика, в XIX в. автомат — это тепловой двигатель, «современный автомат направляет пушки на то место, где луч радиолокатора обнаруживает самолет, или решает дифференциальное уравнение» (Н. Винер). Но нет механизированных людей, есть люди и машины, поэтому существует глубокая связь в одновременном появлении новых средств и нового человечества, которая станет выражением высшего единства: техника — это новый язык бытия (Э. Юнгер).

В «Исчислении умозаключений» Лейбница уже содержалась в зародыше думающая машина (Ж. Делез сказал бы — «мыслящая машина»). Сам Лейбниц интересовался созданием вычислительных машин в металле, но развитие им математической логики неизбежно должно было привести к гипотетической или действительной механизации самого процесса мышления: свои «монады» он сравнивал с часами, которые заведены на всю вечность.

Мир автоматов Лейбниц воспринимает как настоящий часовой механизм. «Наблюдаемая нами организация мира представляет собой нечто среднее между вымыслом и чудом. Монада — это ньютоновская солнечная система в миниатюре. Пока автомат работает, самые правила его действия могут меняться на основании данных прошедших ранее через его воспринимающие органы, что напоминает процесс обучения: кажется, что «витализм выиграл здесь спор до такой степени, что даже механизмы «оказались соответствующими виталистической структуре времени» (Н. Винер)⁶². Машине никак не удастся превратить человека в механизм окончательно.

Техника представляет собой целый ансамбль методически работающих приемов, применение которых обеспечивает достижение к определенной цели. Государства же, эти левиафаны, по-прежнему направляют свои основные научные разработки на увеличение своей мощи в предполагаемых будущих конфликтах, поэтому огосударствляемая наука и техника становятся одной из самых больших угроз: «Развитие техники или внедрение ее в жизнь не может не повлечь за собой затмение и растущее исчезно-

⁶⁰ Винер Н. Творец и будущее. С. 207—209.

⁶¹ Винер Н. Указ. соч. С. 77, 90.

⁶² См.: Винер Н. Указ. соч. С. 93—95.

вание для человека того мира тайны, который является одновременно и миром присутствия, и миром надежды. Желания и страх достигают предела, а природа человека все более становится неспособной возвыситься над тем и другим»⁶³.

Контроль и отбор — вот предполагаемые столпы порядка. Функции манипулятора времен Бруно теперь взяло на себя государство, и этот новый маг должен был разработать и необходимые идеологические средства, чтобы получить однородное общество. Для тех же, кто испытывал чувство неудовлетворенности, существовали идеологические объединения, создававшие альтернативные ожидания. Само государство должно было озаботиться созданием «контркультуры, причем ее идеологические составляющие должны быть организованы таким образом, чтобы избежать сплоченности маргиналов и усиления их влияния», для этого и существует рынок всевозможных разрушительных и саморазрушительных фантазмов и культивируется идея альтернативных источников власти. Тогда насилие оборачивается против самих агрессоров, саморазрушение уничтожает одну часть маргиналов, тогда как другая будет «медитировать и восхищаться неизвестными и безопасными возможностями человеческой психики»: речь здесь идет об интеллектуальной власти⁶⁴.

В этой связи и риск рассматривается как конструктивный способ, набор способов упорядочивания реальности, придания ей исчисляемой формы. Это способ такой репрезентации событий, при которой они становятся доступными управлению при помощи конкретных способов, техник и целей: в риске становится важным уже не сам риск, а делающие его мыслимым формы знания, открывающие его инструменты, исчисленная вероятность, технологии, которые стремятся управлять им. (По замечанию Пауля Хенигсейма, единство стиля между психической и экономической жизнью обнаруживается на трех стадиях эволюционного ряда. На первой магия и экономика составляют в недифференцированном обществе нерефлектирующей орды. Позже как психические, так и экономические элементы становятся частью универсальной теократии в средневековой схоластике.)

В эпоху Возрождения наука и экономика наконец обретают единство стиля, благодаря нарождающемуся индивидуализму. Абсолютизм устанавливает господство государства как над наукой, так и над экономикой.

Либерализм же рассматривает государство, науку и экономику в их свободном сосуществовании: «В нашу эпоху психическая жизнь уже целиком подчинена экономике и проявляется как механизация мира»⁶⁵. Юридическое явление представляет собой лишь технический прием, использующий коррелированные психические установки принуждения и повиновения.

Манипулятор для применения своих методов интуитивно разгадывает свойства, реакции и эмоции тех, кого он собирается «привязать». Процесс «связывания» включает три этапа: первый — это использование связи, второй — само связывание; третий — притяжение, возникающие в результате, и четвертый — наслаждение объектом, которое Бруно называет «удовольствием». Сама фантазия подлинна, она реальна и может заставить объект что-то сделать: это означает, что связь проникает в человека через «ворота воображения»⁶⁶.

Политическое действие, несомненно, также есть некая техника, ею можно овладеть в тренировке, теоретически углубить, систематически разработать, и «то, что политика — искусство, вовсе не препятствует такой попытке». В той мере, в какой удастся найти и применить к ней определенные правила, политика из личной одаренности превращается в прикладное искусство. Это искусство объективируется и в каком-то смысле становится независимым от случайных качеств действующих лиц: так действует любая техника, любая система правил.

Для определения технически правильного способа действия в конкретной ситуации соответствующая цель (утверждение власти, покушение на тирана, подавление заговора) должна стать абсолютной. Но как только шкала системы ценностей или норм начинает оспаривать абсолютный характер цели или запрещает использовать некоторые средства, т.е. препятствует чисто техническому решению задачи, тогда «появляются неизвестные, делающие решение задачи невозможным, — разве что эти неизвестные станут как точные рамочные усло-

⁶³ Марсель Г. Указ. соч. С. 77—81.

⁶⁴ Кулиану Й. П. Указ. соч. С. 228.

⁶⁵ Цит. по: Бекер Г., Босков А. Современная социологическая теория. М., 1961. С. 459.

⁶⁶ Кулиану Й. П. Указ. соч. С. 212.

вия»⁶⁷: одного лишь факта стремления к цели теперь уже достаточно, чтобы начать искать для этого наиболее эффективную технику, технику политического действия.

Если в отдельных сферах деятельности выбор средств ограничен некими сдерживающими нормами или укорененными обычаями, так как там существуют определенные правила игры, то в политике, утверждал еще Макиавелли, ничего подобного не существует. Здесь существует молчаливое согласие о том, что дозволены любые средства, здесь господствует абсолютная борьба. «Разработка правил политического действия имеет смысл только тогда,

когда основывается на том, что допустимы все средства. Все остальное — утопия и поэтический вымысел».

Политика есть абсолютная борьба еще и потому, что «политическая теория в первом своем слое есть только учение о технике абсолютной борьбы», которая не имеет стеснения в выборе средств. Здесь впервые открывается настоящая проблема соотношения политики и морали, однако эта проблема еще не кристаллизовалась, так как абстрактная форма действия не имеет ценности морального свидетельства⁶⁸. По словам Гете, действие само по себе аморально...

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Беккер Г., Босков А. Современная социологическая теория. — М., 1961.
2. Беккер Г. Современная теория священного и светского // Современная социологическая теория. — М., 1961.
3. Бекнет Г. Современная теория священного и светского и ее развитие // Беккер Г., Босков А. Современная социологическая теория. — М., 1961.
4. Бенн Г. Признание в экспрессионизме // Двойная жизнь. — М., 2011.
5. Бодрийер Ж. Фатальные стратегии. — М., 2017.
6. Вебер А. Избранное: кризис европейской культуры. — СПб., 1999.
7. Винер Н. Творец и будущее. — М., 2003.
8. Гарэн Э. Проблемы итальянского Возрождения. — М., 1986.
9. Генон Р. Царство количества и знамения времени. — М., 1994.
10. Герметизм, магия, натуральность для европейской культуры. — М., 1999.
11. Гурвич Г. Д. Магия и право // Философия и социология права. — СПб., 2004.
12. Дебре Р. Введение в медиологию. — М., 2000.
13. Димитриев И. С. Неизвестный Ньютон. — СПб., 1999.
14. Иванова Ю. В., Соколов П. В. Кроме Макиавелли. — М., 2014.
15. Коллеж социологии. — СПб., 2004.
16. Кулиану Й. П. Эрос и магия в эпоху Возрождения. — СПб., 2017.
17. Мамфорд Л. Миф машины. — М., 2001.
18. Марсель Г. Люди против человеческого. — М.-СПб., 2018.
19. Мосс М., Юбер А. набросок общей теории магии // Мосс М. Социальные функции священного. — СПб., 2000.
20. Музиль Р. Человек без свойств. — М., 1984. — Кн. 2.
21. Натаф А. Мэтры оккультизма. — СПб., 2002.
22. Оукшот М. Рационализм в политике. — М., 2002.
23. Папюс. Наука о числах. — М., 1998.
24. Рассел Б. Мудрость Запада. — М., 1998.
25. Фрайер Х. Макиавелли. — СПб., 2011.
26. Хайдеггер М. Время и бытие. — СПб., 2007.
27. Хёсле В. Философия техники М. Хайдеггера // Философия Мартина Хайдеггера и современности. — М., 1991.

⁶⁷ См.: Фрайер Х. Макиавелли. СПб., 2011. С. 144—147, 153.

⁶⁸ Фрайер Х. Указ. соч. С. 158, 163.

28. Чапек К. Беседы с Т. Г. Масариком. — М., 2000.
29. Шпенглер О. Закат Европы. — М., 1998. — Т. 2.
30. Шпрангер Э. Формы жизни. — М., 2014.
31. Эвола Ю. Рабочий в творчестве Эрнста Юнгера. — СПб., 2005.
32. Юнгер Ф. Язык и вычисления // Язык и мышление. — СПб., 2005.

Материал поступил в редакцию 28 февраля 2019 г.

«DIGITAL MAGIC» OF POWER: THE FIRST MANAGERIAL REVOLUTION⁶⁹

ISAYEV Igor Andreevich, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of History of the State and Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
iaisaev@msal.ru
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9

Abstract. *The article deals with the problem of ideological scientific sources of the first technologies of power. The myth of the «machine of power» was born simultaneously with the myth of digital management of the society. The first rational foundations of the concept of technological process were developed by thinkers of the Renaissance and the Modern Times. The first technological revolutions changed approaches to the problems of politics and law. Deep spiritual and intellectual processes were conceptualised in legislation and political technologies. The magic of managing things and people formed the basis of the Mega-machine that had been evolving since ancient times till the Modern Times. Even contemporary technologies of control and governing contain the elements of magicism reduced to technical manipulation of individuals and entire masses. A number, figure and manipulation form the heart of political technologies.*

Keywords: *power, management, manipulation, sovereignty, legal act, law, order, State, apparatus, technology, machine of power, hierarchy, utopia, politics, subordination, function, differentiation, network.*

REFERENCES

1. Bekker G., Boskov A. Sovremennaya sotsiologicheskaya teoriya [Modern Sociological Theory]. Moscow, 1961. (In Russian)⁵⁰
2. Bekker G. Sovremennaya teoriya svyashchennogo i svetskogo [Modern Theory of Sacred and Secular] . Sovremennoe sotsiologicheskaya teoriya [Modern Sociological Theory]. Moscow, 1961. (In Russian)
3. Beknet G. Sovremennaya teoriya svyashchennogo i svetskogo i ee razvitie [Modern Theory of the Sacred and Secular and its Development] In Bekker G., Boskov A. Sovremennaya sotsiologicheskaya teoriya [Modern Sociological Theory]. Moscow, 1961. (In Russian)
4. Benn G. Priznanie v ekspressionizme [Recognition in expressionism]. Dvoynaya zhizn [Dual Life]. Moscow, 2011. (In Russian)
5. Bodrieger Zh. Fatalnye strategii [Fatal Strategies]. Moscow, 2017. (In Russian)
6. Veber A. Izbrannoe: krizis evropeyskoy kultury [Selected Works: Crisis of European Culture]. St. Petersburg, 1999. (In Russian)
7. Viner N. Tvorets i budushchee [The Creator and the Future]. Moscow, 2003. (In Russian)
8. Garen E. Problemy italyanskogo vrozozhdeniya [Problems of the Italian Renaissance]. Moscow, 1986. (In Russian)
9. Genon R. Tsarstvo kolichestva i znameniya vremeni [The kingdom of quantity and signs of time]. Moscow, 1994. (In Russian)
10. Germetizm, magiya, naturalnost dlya evropeyskoy kultury [Hermetism, Magic, Naturalness for the European Culture]. Moscow, 1999. (In Russian)

⁶⁹ The study was carried out within the framework of the RFBR project No. 18-29-16124.

11. Gurvich G.D. Magiya i pravo [Magic and Law]. In *Filosofiya i sotsiologiya prava* [Philosophy and Sociology of Law]. St. Petersburg, 2004. (In Russian)
12. Debre R. Vvedenie v mediologiyu [Introduction to Mediology]. Moscow, 2000. (In Russian)
13. Dimitriev I. S. Neizvestnyy Nyuton [An Unknown Newton]. St. Petersburg, 1999. (In Russian)
14. Ivanova Yu. V., Sokolov P. V. Krome Makiavelli [Besides Machiavelli]. Moscow, 2014. (In Russian)
15. Kolledzh sotsiologii [College of Sociology]. St. Petersburg, 2004. (In Russian)
16. Kulianu Y. P. Eros i magiya v epokhu vrozozhdeniya [Eros and magic during the Renaissance]. St. Petersburg, 2017. (In Russian)
17. Mamford L. Mif mashiny [Myth of the Machine]. Moscow, 2001. (In Russian)
18. Marcel G. Lyudi protiv chelovecheskogo [People against the human]. Moscow—St. Petersburg, 2018. (In Russian)
19. Moss M., Yuber A. Nabrosok obshchey teorii magii [A sketch of the general theory of magic]. In Moss M. *Sotsialnye funktsii svyashchennogo* [Social Functions of the Sacred]. St. Petersburg, 2000. (In Russian)
20. Myuzil R. Chelovek bez svoystv [The Man without Properties]. Moscow, 1984. Book 2. (In Russian)
21. Nataf A. Metry okkultizma [Masters of occultism]. St. Petersburg, 2002. (In Russian)
22. Oukshot M. Ratsionalizm v politike [Rationalism in politics]. Moscow, 2002. (In Russian)
23. Papyus. Nauka o chislakh [Science of Numbers]. Moscow, 1998. (In Russian)
24. Russell B. Mudrost Zapada [Wisdom of the West]. Moscow, 1998. (In Russian)
25. Frayer Kh. Makiavelli [Machiavelli]. St. Petersburg, 2011. (In Russian)
26. Khaydegger M. Vremya i bytie [The Time and the Existence]. St. Petersburg, 2007. (In Russian)
27. Hösle V. Filosofiya tekhniki m. khaydeggera [Philosophy of M. Heidegger's engineering]. *Filosofiya Martina Khaydeggera i sovremennost* [Philosophy of Martin Heidegger and modernity]. Moscow, 1991. (In Russian)
28. Chapek K. Besedy s T. G. Masarikom [Conversations with T. G. Masaryk]. Moscow, 2000. (In Russian)
29. Shpengler O. Zakat Evropy [Sunset of Europe]. Moscow, 1998. Vol. 2. (In Russian)
30. Shpranger E. Formy zhizni [Forms of life]. Moscow, 2014. (In Russian)
31. Evola Yu. Rabochiy v tvorchestve Ernsta Yungera [A Worker in the Works by Ernst Junger]. St. Petersburg, 2005. (In Russian)
32. Yunger F. Yazyk i vychisleniya [The Language and Computation]. *Yazyk i myshlenie* [The Language and Thinking]. St. Petersburg, 2005. (In Russian)